

1001 ночь.

Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников и невольницу Марджану, полностью и до конца (Сказка про Али-Бабу и сорок разбойников)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 1](#)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 2](#)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 3](#)

И затем предводитель стал думать об этом деле и сказал про себя: «Мои люди годятся для битв, стычек и грабежа, для пролития крови и для набегов, но не хватает у них ума на разные хитрости и всевозможные проделки. Если я стану их посылать, одного за другим, чтобы выполнить это поручение, я таким образом только погублю их, не получив пользы и не добившись проку. Лучше всего будет мне самому взяться за это трудное дело». И затем он осведомил воров о своем решении и сказал, что никто не пойдет в город, кроме него самого, и они ответили: «Приказ — твой приказ, и запрет — твой запрет; делай же, как тебе вздумается». И предводитель переменял обличье, а утром отправился в город искать шейха Мустафу-башмачника, как делали оба его посланные, о которых было говорено раньше. Найдя шейха, он подошел к нему, поздоровался, и ласково заговорил с ним, и пустился в беседу, и болтал с башмачником, пока тот не открыл тайну убитого мертвеца; он до тех пор обхаживал шейха и сулил ему чеканные динары, пока не ублажил его, и шейх Мустафа согласился на просьбу предводителя, и предводитель добился того, чего хотел, то есть узнал, где дом его врага, таким способом, как мы давеча говорили. А оказавшись перед домом, он отдал шейху Мустафе его плату — больше того, что обещал, и отпустил его, потом начал всматриваться в дом и разглядывать его. Он не счел обязательным ставить на доме отметку, а просто сосчитал, сколько ворот в квартале вплоть до ворот нужного ему дома, и запомнил их число, и, кроме того, осмотрел своды дома и его окна и хорошо отличил в памяти этот дом, так что прекрасно мог бы его узнать. И при этом предводитель все время ходил по улице, боясь, как бы люди не сочли подозрительным, что он долго стоит перед домом. Потом он вернулся к своим сообщникам и рассказал им о том, что сделал, и молвил: «Теперь я знаю дом нашего врага, и наступило время ему отомстить и воздать должное. Я придумал способ достигнуть этого и средство проникнуть и ворваться к нему и изложу его вам; если вы сочтете мой план подходящим, мы примемся за его осуществление; если же вы его не одобрите, то пусть тот, кто имеет в запасе хитрость лучше моей, объявит о ней и расскажет, что он придумал».

И затем предводитель осведомил воров о том, что он задумал и на что вознамерился, и те одобрили его план, и согласились его выполнить, и дали верные клятвы, что ни один из них не отстанет от других, ища мести, и предводитель послал нескольких воров в ближайшие селения и приказал им купить сорок больших бурдюков, а остальных своих людей он отправил в соседние деревни с наказом раздобыть двадцать мулов. И воры, приобретя то, что было приказано, явились со всем этим к предводителю, а потом устья бурдюков распоролы до того, чтобы в них мог влезть человек. И каждый из воров забрался в один из распоротых бурдюков, имея в руках кинжал, и когда все они залезли и оказались в этой тесной темнице, предводитель зашил устья бурдюков, так что они стали такими, как были, и выпачкал бурдюки в масле, чтобы прохожие думали, что они полны масла. Он погрузил каждую пару бурдюков на мулов, а два лишних бурдюка и вправду наполнил маслом и положил на одного из мулов, так что все двадцать мулов оказались нагружены: девятнадцать — людьми, и один — маслом, ибо число воров, после гибели тех двоих, которых убил предводитель, составляло тридцать восемь человек. И едва приготовления были закончены, предводитель погнал мулов перед собой и вошел в город после заката солнца, когда наступил вечер и в воздухе потемнело. Предводитель направился к жилищу Али-Баба, которое он заметил и превосходно мог узнать, и, подойдя к нему, увидал самого хозяина. Али-Баба сидел у ворот на скамеечке, и под ним был подостлан коврик, и он опирался на красивую подушку.

Предводитель посмотрел на Али-Баба и увидел, что тот радостен, весел и спокоен душой и пребывает в довольстве и благоденствии. Он подошел и чинно и вежливо приветствовал его, проявляя скромность, смирение и уважение, и затем молвил: «Я здесь чужестранец, и родина моя далеко, и местожительство отдалено. Я купил немного оливкового масла, рассчитывая его продать в этом городе с выгодой и прибылью, но мне удалось войти в город только к вечеру, так как дорога была трудна и путь далек, и я нашел все рынки запертыми. И я блуждал, ища места и приюта, чтобы провести там ночь с моими животными, но не нашел его и до тех пор ходил по городу, пока не оказался сейчас возле тебя, и когда я тебя увидел, я тотчас же восхвалил и возблагодарил Аллаха, радуясь, что моя нужда исполнится и желание мое осуществится, ибо щедрость видна на твоём благородном лице и великодушие сияет в твоих добрых глазах, и нет сомнения, что ты из людей, творящих благо, набожных, праведных и преуспевающих. Не позволишь ли ты мне провести у тебя ночь и не приютишь ли моих мулов? Я буду тебе обязан за великую милость и большое благодеяние, и ты получишь за это награду от милостивого и великодушного, воздающего за благо благом и отвечающего на зло прощением, а завтра утром я спущусь на рынок, продам свое масло и уйду благодарный, восхваляя тебя за доброе дело». И Али-Баба ответил согласием и принял его предложение, говоря: «Приют и уют брату, посетившему нас! Ты наш гость в сей благословенный день и будешь нам собеседником в-этом счастливый вечер», — ибо он отличался добротой, прекрасными свойствами и хорошими качествами и был щедр, великодушен и чист помыслами. Он думал о людях только хорошее и поверил вымыслам мнимого купца, ему и в голову не пришло, что это предводитель горных разбойников, и он не узнал его, так как видел лишь один раз, в другом облачении. И он кликнул своего раба Абдаллаха и велел ему ввести мулов во двор, и Абдаллах исполнил его приказ, а предводитель вошел следом за животными, чтобы снять с них ношу. И они с Абдаллахом сняли бурдюки с мулов и положили их в ряд у стены во дворе, а потом раб взял мулов, отвел их в стойло и подвязал им торбы с ячменем. Что же касается предводителя, то он решил ночевать на дворе возле своих бурдюков и не хотел войти в комнаты, будто бы опасаясь стеснить обитателей дома, а на самом деле — ради того, чтобы легче достигнуть своей цели и получить возможность осуществить задуманный им обман. Но Али-Баба не соглашался на это, и заклинал предводителя войти в дом, и настаивал до тех пор, пока не затасил его силой, вопреки его воле. И предводитель вошел с ним и увидел себя в просторной, красивой комнате, пол которой был выложен разноцветным мрамором, и везде вокруг были повешены занавески, одна против другой, и расстилались роскошные ковры и циновки, а посреди помещения было возвышение, выше всех других, покрытое царским шелком, с посеребренными ступеньками и окаймленными жемчугом занавесками. И Али-Баба посадил предводителя на это место и велел зажечь свечи, а потом он послал к Марджане, и с ообщил ей о прибытии гостя, и велел приготовить к ужину достойные его вкусные яства. После этого он сел возле гостя и развлекал его рассказами и беседой, пока не пришло время ужина, и тогда расставили трапезу и принесли кушанья в серебряных и золотых сосудах, столик поставили перед предводителем, и они с Али-Баба отведали всех блюд, пока не насытились, а затем кушанья убрали и принесли старое вино, и чаша заходила между ними, а когда они кончили и вдоволь поели и попили, то снова пустились в разговоры и беседовали, пока не миновала часть ночи. Когда же пришло время ложиться спать, предводитель поднялся и вышел во двор, говоря, что хочет перед сном взглянуть на мулов, но на самом деле — для того, чтобы договориться со своими приспешниками, что делать дальше. Он подошел к первому из них, который, как мы говорили, сидел в первом бурдюке, и сказал ему, понизив голос: «Когда я брошу из окна камешек, прорвите бурдюки кинжалами и присоединяйтесь ко мне», — и то же самое он говорил второму разбойнику и третьему, пока не дошел до последнего из них. Что же касается Али-Баба, то он намеревался на рассвете того дня пойти в баню и поэтому наказал Марджане приготовить необходимые полотенца и передать их Абдаллаху, а потом приготовить мясной отвар, который он выпьет, когда выйдет из бани. И он также велел ей оказывать почет гостю, и постлать ему мягкую постель, и самой ему прислуживать, выполняя долг и обязанности гостеприимства, и Марджана ответила вниманием и повиновением, и Али-Баба отправился на свое ложе, лег и заснул.

Вернемся же, однако, теперь к рассказу о предводителе. Когда он договорился со своими товарищами и приспешниками и наметил, что следует делать, то поднялся к Марджане и спросил, в каком месте ему спать, и девушка взяла свечку и привела его в комнату, устланную роскошными коврами, где было все необходимое для сна — тюфяк, одеяла и прочие принадлежности, — потом пожелала гостю доброй ночи и вернулась на кухню, чтобы исполнить приказ хозяина. Она приготовила полотенца и все, что было нужно для бани, и отдала это внуку Абдаллаху, потом разделала мясо и зажгла под котлом огонь. А между тем свет светильника мало-помалу все меркнул от недостатка масла и наконец погас совсем. И Марджана заглянула в кувшин с маслом и увидела, что он пустой, а так как свечи у нее тоже все вышли, она растерялась и не знала, что делать, ибо ей нужен был свет, чтобы закончить приготовления супа. И Абдаллах увидел, что Марджана в

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

смущении, и сказал: «Не беспокойся и не расстраивайся,— масло в доме есть, и притом в изобилии. Ты, видно, забыла про бурдюки чужого купца, полные масла, которые лежат на дворе. Спустись вниз и возьми сколько хочешь масла, а когда придет утро, мы отдадим купцу за него деньги». И Марджана, услышав речи Абдаллаха, одобрила то, что в них заключалось хорошего, поблагодарила его за достохвальный совет, и спустилась во двор с кувшином, и подошла к бурдюкам. Разбойники меж тем совсем извелись от долгого пребывания в этих тесных темницах и устали сидеть согнувшись. У них спирало дыхание, и ломило все тело, и крошились кости, и не могли они больше выносить такое положение и терпеть столь долгое заточение, и когда услышали они голос Мард-жаны, то подумали, по своему неразумию, что это голос предводителя, ибо стрела судьбы должна была поразить их и веление господа — восторжествовать. И один из воров спросил: «Не пришло ли время нам выходить?» — продолжает передающий эти дивные слова и увеселяющий диковинный рассказ,— и когда Марджана услышала из бурдюка голос мужчины, она сильно испугалась, и поджилки застрялись у нее от страха, и ее охватил великий ужас. Другая на ее месте упала бы или закричала, но у Марджаны было храброе сердце и быстрая смекалка, и она мигом поняла что случилось и быстрее мгновения ока сообразила, что это воры, вознамерившиеся совершить преступление. Она тут же придумала соответствующий план, ибо знала, что если она вскрикнет или шевельнется, то, несомненно, погибнет и погубит своего господина и всех его домочадцев. И она удержалась от воплей и не побежала, а тотчас же приступила к осуществлению задуманной ею хитрости и сказала первому вору, понизив голос: «Потерпи немного, ждать осталось не долго». Потом она подошла ко второму бурдюку, и второй вор спросил ее то же, что и первый, и она ответила ему упомянутым выше образом и, не останавливаясь, переходила от бурдюка к бурдюку, и воры, один за другим, заговаривали с ней, а она отвечала им и наказывала подождать. Наконец она дошла до бурдюков с маслом, стоявших в конце ряда, и, когда безмолвие не нарушилось, поняла, что в них нет людей. И Марджана пошевелила бурдюки и, убедившись, что они полны масла, развязала один из них и отлила в кувшин немного масла, а потом вернулась на кухню и заправила светильник. Затем она взяла большой котел из красной меди, спустилась во двор, наполнила его маслом вернулась на кухню, и поставила котел на огонь, и разожгла под котлом побольше дров, чтобы масло поскорее закипело. А когда масло закипело вовсю, Марджана спустилась с котлом во двор и стала лить масло кувшином в устье каждого бурдюка, так что горячее масло попало воров на головы, и Марджана уничтожила их, и они погибли все до последнего. Убедившись, что из воров не осталось никого и они все умерли, Марджана воротилась на кухню и доварила мясной суп, как наказывал ей ее господин, а справившись со своими делами, она погасила огонь в очаге и светильник и сидела, смотря и выжидая, что станет делать предводитель.

Что же касается этого последнего, то, войдя в приготовленную для него горницу, он запер дверь, потушил свечку, и лег, и лежал на постели, словно спящий, но на самом деле он все время бодрствовал, выжидая удобного случая и времени, когда можно будет сделать с домочадцами задуманное им злое дело. И когда прекратилось в доме движение и все глаза, по его мнению, закрылись, он бесшумно поднялся, и осторожно выглянул из-за двери, и нигде не увидел света и не услышал ни звука, и решил, что все в доме спят. Тогда он взял несколько камешков и бросил во двор, как было условлено с его товарищами, и немного постоял, ожидая, что его люди выйдут, а когда оказалось, что те молчат и не слышно от них ни звука, ни движения, предводителя охватило удивление, и он бросил из окна еще камешков, рассчитав так, чтобы они упали на бурдюки. Но его приспешники все молчали, и ни один из них не пошевелился, и предводитель обеспокоился, и третий раз бросил камни, и без пользы ждал выхода воров. Наконец он потерял на это надежду, и его разобрал страх, и он спустился, чтобы выяснить, что с ними стряслось и по какой причине они не выходят, и когда он подходил к бурдюкам, ему ударило в нос отвратительным запахом, зловонием горячего масла, и он счел это за дурной знак и еще больше испугался и устрасился. И предводитель прошел вдоль ряда бурдюков, окликаая своих товарищей, одного за другим, но те молчали и безмолвствовали, и тогда он пошевелил бурдюки, перевернул их и заглянул внутрь, и оказалось, что его люди погибли и умерли... И увидел он, сколько взято масла из бурдюка, и понял, каким образом они погибли и какова причина их смерти, и охватила его великая скорбь, и он заплакал об утрате своих товарищей, проливая обильные слезы. Он испугался, что его самого тоже схватят, и вознамерился ускользнуть и убежать, прежде чем перед ним закроют дороги, и с этой целью открыл калитку в сад, взобрался на стену, прыгнул на улицу и пустился в бегство, ища спасения и стремясь укрыться в своем логовище, и был он печален и удручен заботой, и поразила его сердце тысяча горестей. А Марджана между тем следила за предводителем и, увидев, что тот покинул их дом и бежал, спустилась, заперла калитку в сад, которую открыл вор, и вернулась на свое место. Вот что было с Марджаной. Что же касается Али-Баба, то когда Аллах засветил утро, и оно озарило землю своим светом, и заблестало, и солнце приветствовало красу всех прекрасных, он пробудился от сна и сладостных грез, облачился в свои одежды и вышел, собираясь направиться в баню, а Абдаллах, его раб, следовал за ним, неся принадлежности для омовения и необходимые полотенца. И Али-Баба вошел в баню, и вымылся, и отдохнул, будучи крайне весел и радостен, и не знал он, что случилось той ночью в его жилище и от какой опасности спас его Аллах. А кончив мыться, он снова надел свою одежду и возвратился в дом, и когда он вошел во двор, то увидел, что бурдюки все еще лежат на месте. И его охватило из-за этого удивление, и он спросил Марджану: «Чего этот купец-чужестранец медлит и не спускается на рынок?» И Марджана ответила: «О господин, Аллах, видно, назначил тебе долгую жизнь и судил тебе великое счастье, ибо ты избежал сегодня большой опасности и Аллах спас тебя ради твоих благих помыслов от гибели и позорного убиения — тебя и всех твоих домочадцев. Тех, кто копал тебе яму, Аллах ввергнул в нее за дурные их помыслы, ведь следствие обмана — неудача и гибель. Я оставила все как было, чтобы ты своими глазами увидел, что готовил тебе этот мнимый купец-лгун и какова смелость твоей рабыни Марджаны. Подойди же и посмотри, что находится в этих бурдюках». И тут Али-Баба подошел, и когда он увидел в ближайшем бурдюке человека с кинжалом в руке, у него пожелтело лицо, и он расстроился и попятился в ужасе. «Не бойся, этот человек умер», — сказала Марджана и показала Али-Баба остальные бурдюки, и в каждом он обнаружил мертвого человека, в руке которого был кинжал.

И Али-Баба простоял некоторое время, охваченный страхом, поглядывая то на Марджану, то на бурдюки, и был он испуган и ошеломлен и не понимал, что произошло, и наконец вскричал: «Растолкуй мне поскорей, что случилось, но будь краткой в речах, ибо то, что я вижу, крайне меня пугает». — «Подожди минутку и не возвышай голос, чтобы не узнали соседи того, что не подобает распространять», — ответила Марджана. — Успокой свою душу, пойди к себе в комнату, сядь и отдохни, а я принесу тебе мясного отвара, который я приготовила, и ты поешь его, и пройдет охвативший тебя страх». И она пошла на кухню, и принесла суп, и подала его Али-Баба, а когда Али-Баба выпил суп, обратилась к нему с такими словами: «Вчера ты мне приказал приготовить все нужное для бани и сварить мясной суп, и когда я была этим занята, у меня вдруг потух светильник из-за отсутствия масла. Я взяла кувшин для масла и увидела, что он пустой, и растерялась, не зная, как мне быть, и тогда Абдаллах сказал мне: «Не обременяй себя заботой об этом: ведь масло есть у нас в изобилии. Спустись вниз и возьми, сколько тебе нужно, из бурдюков купца, который у нас ночует, а завтра мы отдадим ему за это деньги». Я сочла его совет достохвальным и спустилась с кувшином вниз, и когда я подошла к одному из бурдюков, то услышала из него голос мужчины, который спрашивал: «Не пришло ли нам время выходить?» И я поняла, что они задумали преступление, и ответила ему без страха и не пугаясь: «Нет, но ждать осталось немного», — а потом я подошла к другим бурдюкам и обнаружила в каждом бурдюке человека, который задал мне тот же вопрос или обратился ко мне со сходными словами. И я давала им такой же ответ, пока не дошла до двух бурдюков с маслом, и тогда я наполнила свой кувшин и заправила светильник, а потом я взяла большой котел, налила его маслом до полна и поставила на огонь, а когда масло закипело, я стала его лить в устья бурдюков, и все воры, как ты видел, погибли от горячего масла. Потом я потушила светильник, села в кухне и принялась следить за тем купцом, обманщиком, вруном и лжецом, и увидела, что он кидает из окна камешки, чтобы предупредить своих людей. И он повторил это много раз, и когда воры не вышли, потерял надежду их увидеть, и спустился, чтобы посмотреть, какова причина их промедления, и обнаружил, что его люди погибли все до последнего, и испугался, что его схватят или убьют, и вскарабкался на стену сада, и прыгнул оттуда на улицу, и бросился бежать. А я не хотела тебя будить, опасаясь, что обитатели дома поднимут шум, и решила подождать, пока ты вернешься из бани, и рассказать тебе эту историю. Вот что произошло у меня с этими обманщиками, а Аллах лучше знает истину. А теперь я должна тебе рассказать об одной вещи, которая случилась недавно, но я ее скрыла от тебя. Дело в том, что короткое время тому назад я возвращалась с рынка и увидела на воротах нашего дома белый значок, и вид его возбудил во мне тревогу и подозрение. Я поняла что это дело рук врага, который замыслил против нас зло, и, чтобы сбить его с толку, нарисовала на воротах домов соседней точно такие же значки, а через несколько дней я увидела, что ворота нашего дома отмечены красным значком, и поставила на воротах соседней похожие значки такого же цвета, но скрыла это от вас, боясь, что вы встревожитесь. Нет сомнения, что значки поставили эти самые умершие люди и что это разбойники, которых ты встретил на горе. Раз они узнали дорогу к нашему дому, то не будет нам покоя и безопасности, пока хоть один из них находится на лице земли, и нам следует остерегаться козней того разбойника, что убежал, ибо он, несомненно, постарается нас погубить. Мы должны беречь свою жизнь, и я буду первой по осторожности и бдительности».

Когда Али-Баба услышал речи невольницы Марджаны, он до крайности удивился диковинным происшествиям, случившимся с ней и с ним самим, и воскликнул: «Я спасся из-за этой западни и избавился от этой опасности лишь по могуществу всеблаготворца, осыпающего нас милостями и благодеяниями, и благодаря твоему здравому суждению и отличной сметливости». Потом Али-Баба поблагодарил Марджану и восхвалял ее за ее хорошие поступки, храброе сердце, здравое суждение и превосходный образ действий сказал: «С этого времени ты свободна и отпущена на волю ради лика Аллаха, но мы все же еще обязаны тебе за милость и я скоро воздам тебе за это всяческим благом».

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Как ты и говоришь, нет сомнения, что эти люди — разбойники из лесной чащи, и слава Аллаху, что мы от них избавились, а теперь нам следует их похоронить и скрывать то, что у нас с ними случилось». И Али-Баба кликнул своего раба Абдаллаха и велел ему принести два заступа. Один заступ он взял сам а другой дал Абдаллаху, и они вырыли в саду длинный ров, и подтащили один за другим трупы убитых и бросили их в ров, и снова засыпали его землей, так что следы воров исчезли. Что же касается мулов, то их в несколько раз продали на рынке и с бурдюками сделали то же самое.

Вот что было с этими людьми. Что же до предводителя разбойников, то он опрометью убежал из дома Али-Баба и вернулся в чащу, и вошел в сокровищницу, будучи в наихудшем состоянии. Он плакал, горюя о своем одиночестве и сиротстве, и сидел, скорбя и печалась, ибо надежды его пошли прахом, и козни его обратились против него самого, и он лишился своих людей. Жизнь показалась ему отвратительной, и он пожелал умереть и воскликнул: «Увы мне без вас, о богатыри нашего времени, о мастера грабежа и боя, о молодцы в поединке на поле брани! О, если бы пришла к вам кончина среди битв и сражений и вы бы приняли смерть или погибли от меча в стычке! Ведь умереть своей смертью для вас позор, и это я, злополучный, повинен в гибели тех, кого я выкупил бы собственной душой. Лучше бы мне испытать чащу гибели, прежде чем увидеть такое бедствие! Но владыка, велик он и славен, лишь для того сохранил меня в живых, чтобы я отомстил и снял с себя позор. Я воздам своему врагу злейшей мстью и заставлю его вкусить мучительные страдания и пытки. Меня хватит на то, чтобы это сделать, даже если я остался один, и то, что я не исполнил, имея много людей, я, если захочет Аллах, сделаю теперь в одиночку». Потом он лег спать, и мысли его блуждали по морю размышлений, а сердце было занято поисками способа достичь цели, и он отказался от сладости сна, а утром пренебрег дорогими яствами. Но затем разум его измыслил хитрость, которая, как он думал, приведет к осуществлению надежд, и он решил сделать одно дело, рассчитывая добиться этим желаемого и излечить свои недуги. И когда пришел день, он изменил обличье и надел одежду купца, а затем направился в город и нанял комнату на одном из больших постоялых дворов. Он снял себе лавку на рынке и в несколько раз перенес туда из сокровищницы драгоценные, красивые вещи и дорогие материи, шитые золотом, отрезки индийских тканей, штуки сирийского полотна, парчовые одежды, роскошные халаты, шелковые платья и разные ценные камни,— а все это было частью добычи от грабежа городов и кражи денег у рабов Аллаха, сложенной в сокровищнице,— и потом стал сидеть в своей лавке, продавая и покупая, отдавая и получая, он уступал при оценке и сбавлял стоимость, шел людям навстречу в том, чего они желали, и говорил то, что они хотели, так что пошла про него добрая слава, и разнеслась достохвальная молва, и вести о нем распространились повсюду, и везде слышались рассказы о нем. И посещали его великие, и теснились вокруг него малые, а он встречал людей милостливо и радушно, и обходился с ними мягко и приветливо, являя ласковое лицо и добрый нрав, и был тонок в речах и остроумен в ответах, так что все люди полюбили его. Все это было противоположно его природе, ибо он был сотворен грубым, жестоким, черствым и суровым и привык убивать, грабить, разорять и проливать кровь, но у необходимости свои законы, и она вынуждала его так поступать. И все ходили к нему и покупали его товары и ткани: и мудрецы, восхваляемые за их знания и суждения; и свидетели, дающие подписи под условием и соглашением; и имамы в мечетях, и проповедники, и муфтии, отвечающие на вопросы; и богословы, судящие о мнениях верно или неверно; и спорщики, обсуждающие предание или толкующие о древнем и новом; и праведники, известные набожностью и благочестием. Не чуждались его и витязи, доблестные в бою и сече, и лучники, копьеносцы и бойцы на мечах; и кочевники, и горожане, и оседлые жители, и странники. И бывали у него первые и последние, и те, что шепчут тайком или возглашают явно, и арабы и не арабы, и овцепасы и верблюжатники, и имеющие приют и бездомные, и жители городов и степей, и владельцы домов и строений, и мореходы, и путешественники, бродящие по пустыням и степям. Заглядывали к нему и румийские невольницы пяти пядей ростом, с гладкими щеками, высокой грудью, длинной шеей, крутыми бедрами, у которых глаза как у газели, брови как луки, уши как мешочки, груди точно гранаты, рот — Соломонова печать, губы словно кораллы и сердолик и стан подобен ветви ивы, и они стройны, как тростник, а дыхание их — бальзам; и разгоняют они заботы нежностью своего кроткого сердца, исцеляют большого звучными, сладкими речами; и спешила встретиться с ним всякая лунолика девушка, совершенная своей красотой и бесподобная качествами, с черными глазами, грузными бедрами, прямым носом, полными губами, румяными щеками и стройными ногами, отличающаяся такой красотой, прелестью, совершенством и тонкостью стана, что ее бессилен описать красноречивый оратор, а мудрец, ее восхваляющий, не может назвать и половины ее достоинств. Торопилась повидать его любая старуха со сморщенным лицом, вылезшими бровями, шелудивым телом, седыми волосами, унылым видом, гноющимися глазами, синими голеньями, зловонным ртом, шаткими ногами, страшным видом, мокрым носом и бледными щеками, слюнявая, сопливая, неспособная ни молчать, ни веселиться, болтуня и крикунья, чей образ вызывает тошноту и чей вид обращает в бегство; часто сиживали возле него и юноши с подведенными бровями, легким пушком, и румяными щеками, и пробивающейся бородой, цветущие, сияющие, чьи луны явны, а тяжести сокрыты; от чванства и гордости они покачивались, проявляя жеманство и кокетство, и уста их по каплям источали мед. Являлись к нему в лавку также мальчики изящные, безбородые, с томным взглядом и легким пушком, в нарядной одежде, луноликие, краснощекие, с блистающим челом, глаза у них были черные, щеки гладкие, стан тонкий, бедра грузные, а голени словно полированные; вид их излечивал больного, и лицезрение их исцеляло раненого. Перебирали его товары и взрослые мужи, зрелые годами, с крепкими клыками и резцами, высокие ростом, большеголовые, с густой бородой и бровями, с курчавыми волосами на щеках, превосходящие храбростью и доблестью рыцарей и смельчаков и соперничающие с ярим львом, и покупали у него всякое добро дряхлые старцы, далеко зашедшие в годах, с лысой головой и слабым зрением, опирающиеся на посох. А были это люди, сведущие во всех делах и наученные опытом годов и столетий, чья голова поседела от превратностей времени, и согнулась у них спина от смены ночей и дней, и о них можно сказать:

Трясло нас время, как оно трясло!
Оно могуче! Сколько лет прошло...
Легко ходил я. Нынче ж, как назло,
Сидеть — и то мне стало тяжело *.

И предводитель встречал всех словами приветия, одинаково обходясь с сильным и слабым, знатным и худородным, и не делал различия между повелителем и подневольным, свободным и пленным, высоким и низким, бедным и богатым, и возвеличивал ученых и образованных, не гнушаясь, однако, и пришельцем-чужестранцем, и возвышал достоинство друзей, и оказывал почет близкому соседу; и охватила любовь к нему все сердца, и приязнь к нему укрепилась в душах у всех людей.

А всемогущий господь — да возвысится величие его! — ради исполнения того, что пожелал он, и чтобы осуществить свой приговор над рабами, судил, чтобы лавка этого обманщика оказалась напротив лавки сына Али-Баба, имя которого было Мухаммед. И поскольку они стали соседями, законы соседства были для них обязательны, и потому они познакомились и подружились, и ни один из них не знал, кто его приятель и каково его происхождение, и усилилась между ними любовь и приязнь, и они постоянно сидели друг у друга, и ни один из них не мог обходиться без своего соседа.

И в один из дней случилось так, что Али-Баба зашел к своему сыну Мухаммеду, желая его посетить и прогуляться по торговому рынку. И оказалось, что у него сидит тот чужеземный купец; и предводитель, едва увидел Али-Баба, отлично узнал его и убедился, что это и есть его враг, ища которого он пришел сюда. И он обрадовался до крайних пределов и возвеселился, думая, что его желание исполнилось и он достиг цели и скоро отомстит, но скрыл это и ни в чем не изменил поведения. Когда же Али-Баба ушел, он стал расспрашивать о нем его сына, делая вид, что не знает его, и Мухаммед сказал ему: «Да это же мой отец!» И когда предводитель понял и убедился, что это так, он стал еще чаще бывать у Мухаммеда и оказывал ему еще большее почтение, усердствуя в изъявлениях уважения и проявляя любовь, дружбу, верность и приязнь. Он звал Мухаммеда к себе на трапезу, устраивал для него пиршества и угощения, приглашал его на ночные беседы, не обходился без него на пирушках и вечерних собраниях и задаривал его драгоценными подарками и прекраснейшими дарами,— и все для того, чтобы достигнуть задуманной им цели и осуществить обман и предательство, которое он замыслил.

Что же касается Мухаммеда, то, увидев со стороны соседа такие милости и убедившись в его верной дружбе и великой преданности, он полюбил его, и эта любовь дошла до крайности, и приязнь достигла предела. И думал Мухаммед, что намерения его соседа чисты и чувства искренни, и не мог обходиться без него ни одного часа, и не разлучался с ним ни ночью, ни днем. Он рассказывал своему отцу, сколь великие милости оказывает ему этот чужеземный купец и какую любовь и приязнь тот проявляет к нему, и говорил, что этот человек богатый, великодушный и щедрый — один из образцовых людей, и усердствовал, расхваливая его. Он упомянул, что сосед то и дело приглашает его отведать вкусных кушаний и задаривает его редкостными подарками, и отец его молвил: «Тебе надлежит, сын мой, отплатить ему за то, что он тебе делает, и устроить пир, и позвать его. И пусть будет это в день пятницы, и когда в полдень вы выйдете вместе, после соборной молитвы, и будете проходить мимо нашего дома, пригласи его зайти, а я уже приготовлю все, что годится и подобает сану такого знатного гостя».

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И вот когда наступил день пятницы, предводитель отправился в полдень в мечеть, и Мухаммед сопровождал его, и после того как оба совершили соборную молитву, они вышли вместе, намереваясь прогуляться по городу, и бродили до тех пор, пока не дошли до улицы Али-Баба. И когда они подошли к его дому, Мухаммед пригласил соседа зайти и отведать их пищи, говоря: «Вот наш дом»,— а тот уклонялся и отказывался, приводя различные отговорки. Но Мухаммед настаивал и заклинал его, и приставал, и наконец предводитель согласился и молвил: «Я удовлетворю твое желание, чтобы исполнить долг дружбы и залечить рану твоей души, но с условием, чтобы вы не клали в кушанье соли, ибо она мне до крайности противна и я не могу ее есть и нюхать ее запах».— «Это дело пустячное,— ответил Мухаммед,— и раз твой желудок не принимает соли, тебе будут подавать только несоленые кушанья». И предводитель, услышав это, сильно обрадовался в душе, ибо предделом его желаний было войти в этот дом, и все хитрости, которые он проделал, устраивались ради достижения этой цели и осуществления этой мечты. И тут он убедился, что отомстит, и уверился в возможности отплатить своему врагу, и сказал про себя: «Теперь уже наверное и без сомнения Аллах отдал их всех в мои руки!» И когда он переступил порог и вошел в дом, Али-Баба приветствовал его, и поздоровался с ним как нельзя более вежливо и чинно, и посадил его на почетное место, полагая, что перед ним почтенный купец, и не знал он, что это не кто иной, как владелец масла, ибо вор изменил свое обличье и образ, и хозяину не пришло в голову, что он привел волка к овцам и пустил льва в стадо коров. И Али-Баба сидел со своим гостем и развлекал его беседой, а что до его сына Мухаммеда, то он пошел к Марджане и наказал ей не класть в кушанье соли, ибо их гость не может ее есть. Это раздосадовало Марджану, так как она уже состряпала кушанье и ей пришлось готовить другое, без соли, а с другой стороны, она удивилась, и это показалось ей подозрительным. И ей захотелось посмотреть, что это за человек, которому не хочется соли и он не ест ее, в отличие от всех людей, ибо поистине это вещь неслыханная и небывалая. И когда кушанье поспело и пришло время ужина, Марджана с Абдаллахом принесли столик и поставили его перед сотрапезниками, и тут Марджана бросила взгляд на чужеземного купца и по своей пронизательности и отменной сообразительности тотчас же узнала его и убедилась, что это несомненно и наверняка предводитель разбойников. И Марджана всмотрелась в него попристальней и увидела у него под плащом ручку от кинжала, и тогда она сказала себе: «Теперь я понимаю, почему этот проклятый отказывается вкусить соли с моим хозяином! Дело в том, что он хочет его убить и считает, что сделать это, отведав его соли, было бы слишком гадко и гнусно. Но если пожелает Аллах великий, ему не удастся достигнуть своей цели и я не дам ему это совершить». И потом она ушла и занялась своими делами, и Абдаллах остался прислуживать. И сотрапезники отведали всех блюд, и Али-Баба оказывал гостю всяческое уважение и уговаривал его кушать, а когда они насытились, еду убрали и принесли вино, сухие и свежие плоды, сласти и всякие опьяняющие напитки. И все поели сластей и плодов, и потом заходила между ними чаша, и этот проклятый подносил обоим вино, но сам воздерживался от питья. Ведь он хотел напоить их и остаться бдительным и трезвым, в полном рассудке, чтобы достиг нуть своей цели, то есть воспользоваться удобной минутой и пролить их кровь, убить их своим кинжалом, когда одолеет их хмель и они заснут, а потом убежать через калитку сада, как он это сделал раньше.

И когда они были в таком состоянии, вдруг вошли к ним Марджана с Абдаллахом, и на Марджане была сетчатая александрийская рубашка, безрукавка из царской парчи и прочие роскошные одеяния, и она подпоясалась золотым поясом, унизанным разными самоцветами, который стягивал ее стан и выделял ее бедра. На голове у нее была жемчужная сетка, а вокруг шеи висело ожерелье из изумрудов, яхонтов и кораллов, из-под которого поднимались ее груди, подобные двум спелым гранатам, и украшали ее всякие уборы и драгоценности, и была она прекрасна, как первая улыбка весеннего цветка или луна в ночь полнолуния. Что же касается Абдаллаха, то он тоже был одет в роскошные одеяния и бил в бубен, который держал в руках, а Марджана плясала, как пляшут искусные танцовщицы. И Али-Баба, увидев Марджану, обрадовался, и заулыбался, и воскликнул: «Добро пожаловать любезной нашей невольнице и драгоценной служанке! Клянусь Аллахом, ты отлично сделала, ибо нам хотелось сейчас полюбоваться пляской, чтобы полным стало наше счастье и радость и совершенным веселье и блаженство.— И затем он сказал предводителю разбойников: — Этой невольнице нет равной, ибо она искусна во всех вещах и совершенна в деле услужения. Не тайна для нее никакое искусство, и объединяет она прелесть и красоту со здоровым умом и быстрой сметкой, и подобной ей не найдется в наше время. Я обязан ей за благодеяние, и она мне дороже дочери. Посмотри, о господин, как прекрасно ее лицо и как строен стан, как она хорошо пляшет, как красиво изгибается и изящно движется». Но предводитель не слушал его слов и не внимал его разговору, к он словно обеспамятел от великого гнева и сильной ярости: ведь приход этих двух людей расстроил весь его злой умысел против обитателей дома и задуманное им преступление и обман.

А Марджана исполняла прекрасную пляску, превосходя искусство плясуньи, и дошла до того, что выхватила кинжал, торчащий у нее за поясом, и стала плясать, держа кинжал в руке, как это принято у арабских танцовщиц, и приставляя кончик кинжала то к своей груди, то к груди Али-Баба, или приближала лезвие к груди его сына Мухаммеда, или упирала его в грудь предводителя. Потом она взяла из рук Абдаллаха бубен, поднесла его к Али-Баба и знаком попросила дать ей монетку, и Али-Баба бросил в бубен динар, и она подошла с бубном к его сыну, и тот кинул ей еще динар. Потом Марджана приблизилась к предводителю с кинжалом в одной руке и бубном в другой, и тот хотел дать ей что-нибудь и для этого сунул руку за пазуху, и когда он был в таком положении и отвлекся, собираясь вынуть какую-нибудь монету, Марджана вдруг вонзила кинжал ему в грудь. И предводитель издал ужасный вопль и умер, и Аллах поспешил отправить его душу в огонь,— а скверное это обиталище! — и когда Али-Баба с сыном увидели, что сделала Марджана, они оба быстро вскочили на ноги и стояли, охваченные страхом. И потом они закричали на Марджану, говоря: «О обманщица, дочь прелюбодейки! О блудница, о худородная, какова причина этого страшного предательства и что заставило тебя совершить столь гнусный поступок? Ты вергла нас в беду, от которой нам не спастись веками, и станешь причиной нашей смерти и гибели наших душ. Но первый, кто понесет наказание, это ты, о проклятая, и если ты уйдешь от руки судьи, то не избежишь наших рук!» И Марджана ответила бестрепетно: «Сдержите свои сердца и успокойте свой страх! Если таково воздаяние той, что готова вас выкупить своей жизнью, то никто не станет делать добро. Не спешите подозревать меня в дурном умысле, чтобы не покарало вас за это раскаяние, и выслушайте мой рассказ, а потом судите меня как хотите. Этот человек вовсе не купец, как он утверждал и как вы думаете, а предводитель разбойников. Сначала он говорил, что продает масло, и ввез в бурдюках в ваше жилище много людей, чтобы вас убить и уничтожить всех до последнего, а когда я расстроила его козни и обманула его мечты и надежды, он бросился в бегство и оставил наш дом. Но это не послужило ему уроком, и он не отступился, а напротив, еще более возненавидел и невзлюбил меня и вас и упорствовал в своих гнусных намерениях. И чтобы исполнить свой план и осуществить надежды, он открыл на рынке торговцев лавку и набил ее роскошными, драгоценными товарами, а затем стал устраивать тайные козни и сокровенные хитрости и пустился на скрытые проделки. Он схитрил над моим господином Мухаммедом, проявляя мнимую любовь и ложную привязанность, и до тех пор устраивал всякие обманы, пока ему не стало возможно войти в ваше жилище и сесть с вами за трапезу. И тогда он стал выжидать удобной минуты, чтобы обмануть вас, и убить наихудшим образом, и стереть ваши следы, и рассчитывал он при этом на остроту своего оружия и силу и мощь своей руки. Но нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Слава Аллаху, который ускорил моей рукой его смерть и гибель! Посмотрите ему в лицо и взгляните в него, и вам станет ясна правдивость моих слов».

И Марджана откинула плащ предводителя и показала кинжал, скрытый у него под одеждой. И когда Али-Баба и Мухаммед выслушали ее ответ и то, что она изложила в своих словах, и пристально взгляделись в лицо мнимого купца, лжеца и обманщика, то прекрасно узнали его и удостоверились, что это и есть продавец масла, он самый, а при виде кинжала оба ясно поняли, что Аллах спас их от грозной опасности и страшной гибели при помощи их невольницы Марджаны, и убедились в правдивости ее слов, и великой показалась им отвага ее души и смелость ее поступков. И оба они поблагодарили Марджану за ее достойный хвалы поступок, и восхваляли ее за отличные, здравые суждения, и потом Али-Баба молвил: «Когда я раньше освободил тебя, то обещал сделать еще нечто большее, и сейчас надлежит мне выполнить обет и сдержать свое обещание. Я открою тебе, как я задумал тебя вознаградить за оказанное нам благодеяние и отблагодарить тебя за твое хорошее дело. Я намерен выдать тебя замуж за моего сына Мухаммеда: что же вы оба на это скажете?» И Мухаммед молвил в ответ: «Внимание тебе и повиновение в том, что ты замышляешь и предписываешь, и я не возражал бы на запрет твой или на поведение даже в том, что причиняет мне докучу и тревожит, а что до женитьбы на Марджане, то это предел моих желаний и вершина моих стремлений». А Мухаммед ответил так, ибо он давно любил Марджану, и страсть его к ней дошла до крайности и достигла предела из-за ее красоты, прелести, достоинств и совершенств, так как она обладала великим умом и добрым нравом и объединяла это с благородством происхождения и знатностью рода.

Потом они приступили к погребению предводителя, и вырыли для него большую яму, и закопали его, и присоединился он к своим обездоленным, проклятым, нечестивым приспешникам, и ни одна тварь Аллаха не узнала об этих диковинных делах и удивительных происшествиях. Что же касается лавки предводителя, то, когда он исчез на долгое время, и не появлялось о нем вестей, и не осталось следа, казна забрала бывшие там товары, и другие драгоценные вещи, и оставшееся имущество. Потом, когда все успокоилось и мирно и безмятежно зажили в своих жилищах, и дела прояснились, и явна стала радость и прекратилось зло, Мухаммед женился на невольнице Марджане. Он написал с нею брачный договор у кади мусульман и дал за нее предварительное приданое, обязавшись позднее выплатить остальное, и они сзывали людей, и устраивали торжества, и проводили без сна прекрасные ночи, задавая пиры и угощения, и до тех пор собирали музыкантов, певиц и забавников, пока не открыли невесту перед женихом, и тогда он остался с нею наедине и уничтожил ее

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

девственность. И увеселения продолжались еще три дня, а потом, когда после всего этого прошел целый год, Али-Баба решил пойти в сокровищницу. Он воздерживался от этого после смерти своего брата, так как боялся козней разбойников, а когда Аллах уничтожил руками Марджаны тридцать восемь из них и после того погиб сам их предводитель, Али-Баба решил, что разбойников осталось еще двое, так как он сосчитал их на горе и их было сорок человек. Поэтому он все время воздерживался и не ходил в сокровищницу, опасаясь козней разбойников, но когда не стало о них вестей и не обнаружилось нигде их следа, он убедился, что они погибли, и отважился пойти в сокровищницу, и взял с собою своего сына, чтобы показать ему клад и научить его тайному способу проникать и входить туда.

И когда они оба подошли к сокровищнице, то оказалось, что заросли травы, терновника и колючек сгустились и забили дорогу, и Али-Баба с Мухаммедом поняли, что в сокровищницу уже долгое время не входила ни одна живая душа и там не раздавалось ни звука. Тут они уверились в гибели двух оставшихся разбойников, и страх их прошел, и они осмелели и двинулись вперед, и Али-Баба взял топор и стал рубить кусты и колючки, так что проход расширился и он смог подойти к двери. И тогда он сказал: «Сезам, открой твою дверь»,— и дверь распахнулась; и Али-Баба с сыном вошли в сокровищницу, и он показал своему сыну сложенные там богатства, диковинные чудеса и редкости, и Мухаммед остолбенел, увидя все это, и изумился до крайней степени. Потом они побродили и погуляли по сокровищнице, и зашли и заглянули во все ее комнаты, и досыта порылись в самоцветах и камнях, а затем решили возвратиться домой. Они набрали из клада драгоценностей, которые им понравились, из тех, что весят немного, а ценятся высоко,— и вернулись в свое жилище веселые, радуясь приобретенным богатствам, и непрестанно переносили они из сокровищницы все что хотели и жили в полном довольстве, приятнейшею жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, ниспровергающая дворцы и воздвигающая могилы».

РАССКАЗ ПРО АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ И НЕВОЛЬНИЦУ МАРДЖАНУ, ПОЛНОСТЬЮ И ДО КОНЦА

Стр. 398. Сесам (араб, «симсим») — кунжут; старая форма этого слова сохранена переводчиком как вошедшая в традицию по старым переводам «Тысячи и одной ночи» с французского.

Стр. 399 Цибет и недд — виды благовоний.

Мандал.— В действительности такого дерева не существует; слово это придумано ради созвучия со словом «сандал». Парное сочетание типа «сандал-мандал» типично для тюркских языков.

Стр. 409...я стану тебе мужем...— Жениться на вдове брата считалось долгом порядочного человека.

Стр. 416. ...умение хранить тайну — качество праведного...— один из хадисов (изречений), приписываемых пророку Мухаммеду.

Стр. 431. Муфтий — религиозное лицо высшего ранга, выносящее решения по религиозно-юридическим вопросам.

Стр. 435. ...отказывается вкусить соли с моим хозяином! — Вкусить хлеба и соли в чьем-либо доме значило связаться с хозяином узами гостеприимства; поэтому, поев соли в доме Али-Баба, разбойник уже не мог бы его убить.